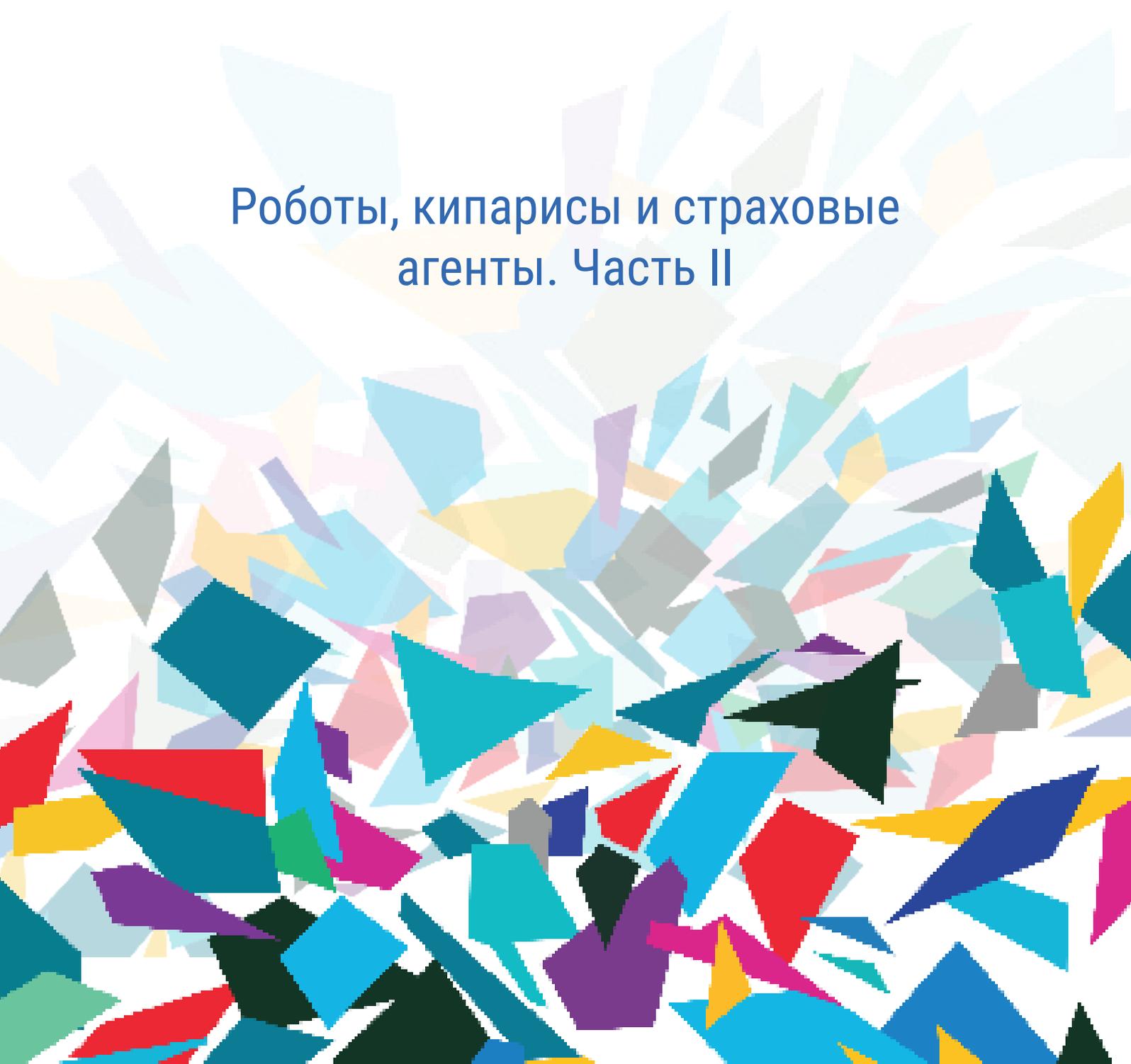

ЯЗЫК КАК ИНСТИНКТ

Роботы, кипарисы и страховые
агенты. Часть II

«Сложению тебя обучали?, – спросила Белая Королева. – Сколько будет один плюс один?» «Я не знаю, – ответила Алиса. – Я сбилась со счета». «Сложение не знает», – сказала Черная Королева.

Этот пример, который приводит Пинкер, как нельзя лучше показывает суть проблемы восприятия целого предложения. Дело в том, что память человека не безгранична, тем более оперативная память.

Компьютер, может быть, и сосчитал бы. Но человек не может этого сделать, не может долгое время держать в памяти конструкции, которые ни к чему не ведут.

«Мальчик, который вчера играл с собакой, которая позавчера покосила белую болонку, хозяйка которой потеряла зонтик в супермаркете, расположенном в трех кварталах от того места, где вчера мальчик встретил собаку, с удовольствием ест мороженое». Мне и самому было очень сложно выстроить такое длинное сложноподчиненное предложение. Понятно, что мозг человека не в состоянии ждать завершения предложения, это очень сложно.

Поэтому это вопросы физиологии, которая в конечном итоге определяет стилистику языка. Эта часть книги Стивена Пинкера о восприятии речи касается и языковых стилей. Эти сложные механизмы в грамматической структуре, сложные структуры с многочисленными синтаксическими группами, которые ответвляются, ответвляются, ответвляются, очень глубоко анализируются автором. И здесь много интересных примеров. Пинкер называет такие предложения «капустными». Когда есть одна номинативная группа и очень много вербальных групп. То есть придаточных предложений, которые ответвляются, ответвляются, ответвляются.

Дело в том, что вот такие ветвления делают невозможным распознавание речи человеком. И хотя возможно, что компьютер сможет их распознать, но он не сможет выдать правильную реакцию. Это первая сложность.

Вторая сложность особенности речи предложений – это двусмысленность. Двусмысленность бывает двух типов. Грамматическая двусмысленность, когда слова, выполняющие разную функцию в предложении, звучат совершенно одинаково. И двусмысленность контекстуальная. Как может компьютер понять суть предложения в английском языке, которое сочинила ученица Стивена Пинкера? Предложение такое: «Баффало Баффало Баффало баффало Баффало Баффало Баффало».

Баффало – это бык, американский бизон. Бизон родом из Баффало, штат Нью-Йорк. Бизона зовут Баффало. Глагол «баффало» означает «разгромить». Вообразите, что бизоны из штата Нью-Йорк побеждают друг друга. Компьютер сгорит уже на пятом слове.

Французский аналог подобной скороговорки звучит так: Si six scies scient six cypres, six cent six scies scient six cent six cypres. Если 6 пил пилят 6 кипарисов, 606 пил пилят 606 кипарисов.

Если французскую скороговорку компьютер еще может попытаться понять, то английская, конечно, ему не по зубам.

Это о том, что касается морфологической двусмысленности, когда она и фонетическая. Связано с квазиомофонией и омофонией. Человек различает по интонации. Компьютеру это будет сделать очень сложно. Что касается двусмысленности текстуальной или контекстуальной, здесь дело обстоит еще интересней.

Дело в том, что наша речь полна двусмысленности и литература как искусство строится не просто на каламбурах, а именно на многозначности одного и того же высказывания. Это двусмысленные фразы, которые автор продумывает или пишет по озарению.

В живой беседе подобные перлы выглядят как удачная шутка. Но есть другая двусмысленность. Умышленная двусмысленность, когда один и тот же текст может трактоваться по-разному.

Стивен Пинкер очень уместно приводит примеры страховых контрактов. Я думаю, что сегодняшнему казахстанскому читателю это будет очень полезно. Мы действительно не читаем условия контрактов, приобретая в кредит смартфон. Хотя это важно. Не говоря уже о таких серьезных сделках, как покупка недвижимости или сдача оборудования в аренду.

Следует внимательно читать не только то, что написано мелким шрифтом. Напротив, подвох обычно кроется в той части документа, который смело набран 14-ым кеглем.

Поскольку предложения бывают двусмысленные, а контракты излагаются в предложениях, принципы синтаксического разбора могут сильно повлиять на человеческие судьбы. Пинкер приводит несколько примеров. «Данная страховка, обеспеченная настоящим полисом, относится к использованию чужого транспортного средства застрахованным лицом и любым лицом, ответственным за использование транспортного средства от имени застрахованного лица в случае, если это транспортное средство используется с разрешения владельца».

Если вы дослушали эту фразу до конца, вы уже молодец. Если вы поняли ее с первого раза – просто гений. Но понять это невозможно. И человек, естественно, даже прочитав, подписывает страховой договор.

Пинкер описывает реальную ситуацию, в которой женщина, разъяренная тем, что партнер оставил ее в ресторане, уехала на машине, которая, как она считала, была его кадиллаком. Позже эта машина была разбита, тогда и оказалось, что принадлежит она кому-то другому. И женщина обратилась за возмещением ущерба в свою страховую компанию. Выплатили ли ей страховку? Разбирательство и суд длились довольно долго, дело рассматривалось в нескольких судах. Пришлось заняться именно синтаксическим разбором этого текста с привлечением экспертов-филологов и апелляционного суда.

Апелляционный суд Калифорнии отметил, что в полисе содержалась двусмысленность.

Я привожу этот нудный юридический пример только для того, чтобы, во-первых, стало ясно, что читать Пинкера полезно. По крайней мере, вы будете знать, как формируются предложения в контрактах.

Во-вторых, (и это самое главное) я хочу показать, что в любом языке сложные конструкции имеют свои ограничения, это в письменной речи. А в устной речи человек так не разговаривает. Просто память не может одновременно воспринимать такие сложные синтаксические деревья, предложение, состоящее из многих и многих ответвлений.

Но есть еще одно. Дело в том, что (и сам Пинкер говорит об этом) эти предложения, которыми мы передаем друг другу информацию – это не просто дерево. Это ведь еще и целое контекстуальное пространство, в котором очень много следов, упоминаний, оговорок. Когда мы говорили о том, как работает механизм грамматики, мы упоминали номинативные группы, вербальные группы, глагольные группы, но мы не сказали о том, что, когда идут ответвления внутри дерева, некоторые элементы никак не называются, но чувствуется их след.

Пинкер называет их *traces*, следы. Это следы, которые держатся в памяти упоминанием, ссылкой. Здесь Пинкер приводит любопытный пример, который будет интересен тем, кто интересуется историей политики, политологией. Это Уотергейтский скандал, скандал семидесятых годов с президентом Никсоном. Во время предвыборной кампании командой Ричарда Никсона проводилась прослушка в штаб-квартире его оппонентов из демократической партии. Эта штаб-квартира находилась в отеле «Уотергейт». Факт об этой прослушке просочился в прессу, и начался скандал, который длился очень долго. Но что случилось? Случилось то, что газета демократов опубликовала расшифровку записи в качестве доказательства разговора Ричарда Никсона со своими помощниками. Эта стенограмма и решила судьбу Никсона. Ему был объявлен импичмент. Почему? Потому что люди увидели, что Никсон причастен к этому обману, хотя он это отрицал.

Как говорит Пинкер, большинство людей поразило то, что в записанном разговоре нет ничего конкретного о самом скандале. Там есть недосказанность, паузы. А текст совершенно неуловимый. Но президент там разговаривал не очень красивым языком, увиливал, недоговаривал, не говорил прямо. И эти двусмысленности изменили общественное мнение о президенте Никсоне.

Речь, которую мы воспринимаем на слух и которую произносим, может быть истолкована неправильно. Пинкер приводит еще один пример, ставший хрестоматийным. Один из темпераментных спортивных комментаторов как-то пожал в суд на издание за то, что журналисты всегда истолковывают его слова неправильно. Тогда одна из газет просто опубликовала точную стенограмму его высказываний. Этому комментатору пришлось отозвать все иски к журналистам. Самое интересное, что американский суд признал право журналистов на редактирование стенограмм. Это такой прием из политической борьбы. Мне приходилось его видеть во времена избирательных кампаний во Франции и в России.

В нашей стране подобное тоже было, но не во время избирательной кампании, а когда решались вопросы об адекватности наших министров. Как только вы опубликуете прямую стенограмму любого политического деятеля, считайте, что вы выставили его на смех.

В заключение мне хотелось бы сказать, человеческая коммуникация – это не два аппарата факсимильной связи, это изменчивое отражение поведения строящих тайные планы и обладающих даром предвосхищения социальных животных.

Когда мы доносим слова до слуха людей, мы приходим с ними во взаимодействие и открываем наши собственные намерения, благородные они или нет – также явно, как если бы между нами и этими людьми был физический контакт.

Таким образом, мы вместе со Стивеном Пинкером рассмотрели синтаксический механизм, который позволяет нам распознавать речь и делает это практически невыполнимым для говорящих голов, то есть, для компьютеров.